

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lakoff, G.* The contemporary theory of metaphor / G. Lakoff. – Mode of access : <https://terpconnect.umd.edu/~israel/lakoff-ConTheorMetaphor.pdf>. – Date of access : 10.01.2019.

А. И. Рыко (СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ В ГОВОРАХ РУССКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Западные южнорусские говоры южной части Невельского района Псковской области и западной части Хиславичского района Смоленской области, согласно классификации 1915 г., относятся к северо-восточному говору белорусского языка (витебская и восточно-могилевская группы, соответственно). После перемещения административной границы в 1924 г. Невельский уезд, относившийся прежде к Витебской губернии, отошел к Псковской губернии, а Хиславичская волость была выделена из Мстиславского уезда и вошла в состав Смоленской области. Соответственно, при составлении новой карты диалектного членения русского языка в 1965 г. говоры на территории Невельского и Хиславичского районов были описаны как часть западной группы южнорусского наречия. Такое решение было обосновано перспективами существования диалектных черт, прежде определявшихся как белорусские, в рамках русского литературного языка. Поэтому спустя почти 100 лет возникает вопрос, каким образом происходит этот процесс: сохраняются ли в говорах нынешних сельских жителей белорусские черты? какие именно и в какой степени?

Особый интерес представляет вопрос о лингвистической самоидентификации жителей территорий, которые прежде были белорусскими. Практически все информанты как в Невельском, так и в Хиславичском районах не сомневаются в том, что они говорят по-русски, но при этом не умеют говорить «чисто» – так, как это предписывает русская литературная норма. При этом многие отмечают, что за пределами родных районов их часто принимают за белорусов, и объясняют это тем, что белорусская граница совсем рядом, поэтому в их языке «много белорусских слов». Заметим, что язык ближайших деревень по ту сторону границы (Россонского района Витебской области и Мстиславского района Могилевской) они не считают «настоящим» белорусским, утверждая, что на «настоящем» белорусском языке говорят «там дальше, ближе к Украине», т. е. имеется в виду или литературная норма, или юго-западные говоры.

Современная лингвистическая ситуация на этих территориях такова. В Невельском районе в языке старшего поколения (информанты 1920–1930-х гг. рождения) большая часть белорусских черт сохраняется, в то время как следующие поколения вообще не говорят на диалекте. В Хиславичском районе белорусские черты говора хорошо сохраняются не только в языке старшего поколения (информанты 1930-х гг. рождения), но у более молодых представителей говора (1950–1960-х гг. рождения), причем как у женщин,

так и у мужчин (у последних в меньшей степени). У старшего поколения диалектные черты здесь сохраняются лучше, чем в Невельском районе, приближаясь к абсолютной регулярности. В отличие от невелиского говора здесь нет ряда черт, характерных для северо-западных русских говоров: совпадение форм Дат. и Тв. мн. ч. сущ. и прил.; особые системы окончаний Род.-Дат.-Предл. ед. ч. *a*-основ; гораздо реже встречаются *ши*-причастия.

Устойчивыми оказываются не только те черты, которые объединяют северо-восточные белорусские говоры и большую часть южнорусских говоров (лабиализация предударных /o/ и /a/ (*пумагал*); замена [л] на [ʎ] в формах прошедшего времени (*быў*); «комплекс употребления губных спирантов юго-западного типа» (*кароў, траўка, унук, ўсе*); личные местоимения 3 л. с начальным [j], твердые губные на конце слов), но и те черты, которые характерны в первую очередь для белорусского языка, а для русских говоров считаются узкодиалектным явлением русско-белорусского пограничья (диссимилятивное аканье и яканье белорусского типа; окончания прил. II.-В. пад. муж. р. *-эй* и *-ы* в основе наст. вр. глаголов типа *крыць, мыць*; мягкие долгие согласные в соответствии с сочетаниями согласных с [j] (*свиння*); [o] в форме 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола *быць* согласно белорусской литературной норме (*ёсьць*); особый тип чередования *e~o* в формах глагола наст. вр. I спр. с ударением на тематическом гласном: *несеш, несеть, несём, несете*; употребление союза *як* и производных от него).

Т. Н. Савчук (БГУ, Минск, Беларусь)

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ ВЕРБАЛИЗАТОРОВ АРГУМЕНТАТИВНЫХ СХЕМ В ДИСКУРСЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Внутреннюю структуру аргументации образуют аргументативные схемы (АС) – когнитивные модели рассуждения, отражающие логико-прагматическую связь между тезисом и аргументами [1, с. 66].

Интегральным признаком АС в научно-гуманитарном дискурсе является их вербальная маркировка. В роли аргументативных вербализаторов выступают слова и выражения естественного языка различной лексико-грамматической природы, которые, в силу регулярности употребления, приобретают структурно-семантическую и функциональную устойчивость.

Отражением естественно-языковой природы гуманитаристики служит широкая вариативность применяемых в аргументирующем рассуждении вербальных индикаторов. Одно из проявлений вариативности – прагматическая многозначность языковых единиц с аргументативной семантикой, связанная с их возможностью выполнять несколько функций, в частности выступать в роли маркеров разнородных элементов аргументации [1, с. 138].

В дискурсе гуманитарных наук прагматическую многозначность регулярно демонстрируют вербализаторы АС, что существенно затрудняет анализ и оценку внутренней структуры аргументации. Отсюда необходимость исследования данного феномена с целью получения результатов, значимых для формирования аргументативной компетенции субъектов научно-гуманитарного дискурса.